

саются съ разумомъ, они погружены, ушли цѣликомъ въ тайное знаніе ихъ души, пришедшее какъ экстазъ, какъ «радость въ Богѣ». Они живутъ въ необычайномъ, въ чудѣ, какъ въ простомъ, какъ во внѣшне реальномъ. И архіерей, сперва пытавшійся отдать имъ свое знаніе въ дѣлахъ вѣры и Бога, въ концѣ-концовъ, понимаетъ, что это онъ ничего не знаетъ, а они знаютъ все. Впрочемъ, въ этомъ его убѣждаетъ чудо.—Старцы бѣжали за паромомъ на которомъ ѣхалъ архіерей, по морю какъ по сушѣ. И за словами художника чувствуешь святую наивность блаженныхъ, не сознававшихъ, что это чудо—ихъ бѣгство по морю, ибо вся ихъ жизнь была погружена въ абсолютную реальность, чувство которой поддерживалось ихъ жпзнеощущеніемъ, ихъ экстазомъ.

Художникъ выдержалъ весь рассказъ въ тонѣ наивнаго, дѣтскаго разумѣнія жпзни. Онъ ни разу самъ не удивился своимъ старцамъ и ни разу не испортилъ правдиваго повѣствованія любованіемъ на своихъ героевъ. Потому-то весь рассказъ дышетъ правдой переданныхъ чувствъ.

Утвердивъ художественнымъ документомъ идею о внутреннемъ, внѣразумномъ знаніи истины міра, показавъ какъ живутъ ею, этой истиной, передавъ самое чувство жпзни въ ней, Толстой изъ своего художественнаго